

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Специализированный учебно-научный центр
Новосибирского государственного университета
ул. Ляпунова, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: drakar@ngs.ru

ЭПИКУР О ТЕЛЕСНОМ ЗДОРОВЬЕ

Раскрыты теоретические аспекты учения Эпикура о телесном здоровье. Установлено, что согласно Эпикуру: телесное здоровье обладает двойственным характером; формально телесное здоровье относится к удовольствиям покоя, но при этом оно может быть оценено как дополнительное благо, которое разнообразит счастливую жизнь; это сближает телесное здоровье с удовольствиями движения, главное предназначение которых заключается в разнообразии счастливой жизни.

Ключевые слова: Эпикур, Цицерон, телесное здоровье, безмятежность души, удовольствие, страдание, счастье, благо.

В статье пойдет речь о ценностном статусе телесного здоровья в этике Эпикура. Тексты Эпикура создают впечатление несогласованного, если не противоречивого характера его позиции по этому вопросу. Выявить действительную позицию Эпикура и составляет основную задачу этой статьи.

В «Письме к Менекею» Эпикур говорит следующее: «Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог» [Лукреций, 1947. С. 597]. Чуть ранее в этом же письме Эпикур также называет телесное здоровье (ὀυγία) и безмятежность души целью счастливой жизни (μακαρίως ζῆν). Хорошо видно, что Эпикур называет два источника прекрасной жизни (καλῶς ζῆν)¹. Это душевное здоровье и телесное здоровье. Под душевным здоровьем Эпикур понимает безмятежность или спо-

койствие души, которое выражается в свободе от страхов, пустых желаний, страстей и печали. Под телесным здоровьем Эпикур понимает отсутствие страданий тела. Одновременно безмятежность души и отсутствие страданий тела (ἀταραξία καὶ ἀπονία) у Эпикура выступают в качестве истинного удовольствия (ἡδονή), того самого удовольствия, которое ведет к счастью (εὐδαιμονία).

На первый взгляд может показаться, что телесное здоровье и безмятежность души у Эпикура взаимосвязаны. С одной стороны, отсутствие страданий тела способствует безмятежности души. С другой стороны, спокойствие души помогает преодолевать телесные страдания.

Но тут возникает вопрос: возможно ли счастье, по Эпикуру, при отсутствии одного из его двух составляющих? Рассмотрим первый вариант: человек обладает телесным здоровьем, но не располагает безмятежностью души. Может ли быть такой человек счастливым? Предоставим слово самому Эпикуру. Вот что он говорит: «Человек бы-

¹ Эпикур отождествляет счастливую жизнь с блаженной жизнью и прекрасной жизнью.

вает несчастлив или вследствие страха, или вследствие безграничной, вздорной страсти» [Лукреций, 1947. С. 647]. Тем самым Эпикур прямо заявляет, что человек, которого обуревают страхи, всевозможные страсти и вздорные желания, не может быть счастливым. Таким образом, безмятежность души есть обязательное условие счастливой жизни. Одного телесного здоровья для блаженной жизни не достаточно.

Теперь рассмотрим второй вариант: человек обладает безмятежностью души, но при этом он телесно болен. Будет ли счастлив такой человек? Если обратиться к тем фрагментам, в которых говорится о том, что удовольствие есть свобода от телесных страданий и душевных тревог, то вывод напрашивается один: человек, обладающий спокойствием души, но страдающий телесно, не может быть счастливым. Казалось бы, здесь работает та же логика, что и в первом варианте, а именно: отсутствие одного из элементов в связке безмятежность души / отсутствие страданий тела автоматически ведет к лишению счастливой жизни.

Но как тогда быть с теми фрагментами, в которых Эпикур высказывает совершенно иные мысли? В «Ватиканском собрании изречений» имеются такие слова Эпикура: «Всякое (телесное) страдание ($\alpha\lambda\gamma\eta\delta\acute{o}\nu$) достойно презрения: страдание, заключающее в себе интенсивную боль, продолжается короткое время, а долговременное страдание в теле причиняет боль слабую» [Там же. С. 613]. В этом фрагменте Эпикур призывает фактически не обращать внимания на телесные страдания, поскольку сильная боль кратковременна, а длительная боль причиняет слабые страдания. Более подробно взгляды Эпикура о страдании изложены в других фрагментах. Так, Плутарх сообщает, что, согласно Эпикуру, «большие страдания быстро выводят из жизни, а длительные не имеют величины [не велики]». Утверждение о том, что «чрезмерное страдание приведет к смерти» [Там же. С. 645], расширяет наше представление о взглядах Эпикура о телесных страданиях. Получается, что сильная боль не должна серьезно беспокоить человека, поскольку она либо кратковременна, либо быстро сводит в могилу. Если сильное страдание кратковременно, то оно не окажет существенного влияния на жизнь потому, что человек добродетельный мужественно перенесет его. Если сильное страдание ведет

к смерти, то волноваться благоразумному человеку тем более не стоит, так как он совершенно не боится смерти, поскольку прекрасно знает, что «смерть не имеет никакого отношения к нам: ибо то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет никакого отношения к нам» [Там же. С. 601]. Остаются еще длительные страдания, но, по мнению Эпикура, они не опасны, поскольку не причиняют сильной боли и поэтому легко переносятся добродетельным человеком. И словно подтверждая свою теорию на практике, Эпикур уже в самом конце своей жизни преподал блестящий урок презрительного отношения к страданиям, когда он с удивительной стойкостью переносил муки тяжелой болезни.

Но если Эпикур призывает к презрительному или безразличному отношению к страданиям, то как следует понимать его слова о том, что целью счастливой жизни является безмятежность души и телесное здоровье. Во II книге «Тускуланских бесед» Цицерон сообщает, что мудрец Эпикура «даже в Фаларидовом быке будет твердить: “Как приятно! Как равнодушен я ко всему этому!”» [1975. С. 253]. Как согласуются эти слова с утверждением о том, что отсутствие страданий тела есть одно из двух неизменных условий счастья. На первый взгляд может показаться очевидное противоречие. Каким образом можно представить решение этой проблемы?

Первый вариант решения данной проблемы – откровенно признать противоречивость взглядов Эпикура в вопросе о телесном здоровье. Действительно, следует прямо сказать, что главным и, по сути, единственным условием счастья, согласно учению Эпикура, является безмятежность души. Наличие телесного здоровья не является обязательным условием обретения счастья. Этот вывод прямо следует из тех фрагментов, где Эпикур призывает презирать любые телесные страдания. Какой смысл стремиться к обладанию тем, отсутствие чего в любом случае для добродетельного человека не представляет большой проблемы. Ведь отсутствие телесного здоровья не является помехой добродетельному человеку в деле обретения безмятежности души и соответственно счастья. Следовательно, нет никакого разумного основания, объявлять отсутствие страданий тела целью счастливой жизни. И поэтому представле-

ние Эпикура о том, что целью счастливой жизни является спокойствие души и здоровье тела, следует считать противоречивым и несогласованным. Отметим, что такая точка зрения имела место уже в древности. В частности, ее хорошо выразил Цицерон, который во II книге «Тускуланских бесед» удивленно восклицает: «А Эпикур, который только боль и считает злом превыше всех зол, вдруг объявляет, что мудрец сочтет распятие приятным!» [1975. С. 253]. Цицерон не находит разумного объяснения этому противоречию и заявляет, что хитрый Эпикур лишь разглагольствует на эту тему, «ничего не говоря толком» [Там же. С. 263].

Но если допустить, что сам Эпикур не видел противоречий в этом вопросе, то нам следует попытаться найти иное, более согласованное и логически последовательное, решение данной проблемы. С чего можно начать в таком случае? Можно ли предположить, что Эпикур рассматривал телесное здоровье не как одно из двух обязательных условий счастливой жизни, а как дополнительное благо, которое увеличивает счастье? Почему нет? Какие аргументы можно привести в пользу этой версии?

В качестве одного из доказательств этой версии могут служить слова эпикурейца Луция Торквата о соотношении душевных и телесных удовольствий и страданий. В первой книге сочинения Цицерона «О пределах добра и зла» Торкват, излагая этическое учение Эпикура, говорит: «Мы признаем, что душевное наслаждение и страдание рождаются из наслаждений и страданий телесных. И хотя душевное наслаждение приносит нам радость, а душевная боль – тягость, однако же и то и другое берет начало от тела, и неотрывно от тела, но это не означает, что душевные наслаждения и страдания не могут намного превышать телесные. Ведь тело способно воспринимать только то, что непосредственно перед ним, душа же воспринимает и прошедшее и будущее» [Цицерон, 2000. С. 64].

Как мы видим, Торкват говорит о том, что источником душевных удовольствий и страданий являются телесные удовольствия и страдания. Но при этом душевные удовольствия и страдания способны намного превосходить телесные. Это связано с тем, что телесные удовольствия и страдания можно переживать только в настоящем, в то время как душевные удовольствия и страда-

ния распространяются также и на будущее, и на прошедшее. Исходя из этого Торкват заключает: «Во всяком случае очевидно, что величайшее душевное наслаждение и страдание важнее для счастливой или несчастной жизни, чем равные им по продолжительности – телесные» [Там же. С. 65]. Эту же мысль повторяет главный популяризатор эпикурейской философии в Новое время Пьер Гассенди. В своей знаменитой работе «Свод философии Эпикура» Гассенди говорит: «Счастливая жизнь состоит в безмятежности духа и в телесном здоровье, и преимущественно в первом (поскольку духовные блага важнее телесных, как и духовные недуги хуже телесных)» [1966. С. 111].

В этих фрагментах зафиксирован важный эпикурейский тезис о том, что душевные удовольствия играют более важную роль для счастья, чем телесные удовольствия. В равной степени это касается и страданий: душевные страдания, по мнению Эпикура, превосходят по силе телесные (см.: [Шахнович, 2002. С. 97]). И именно поэтому Эпикур призывает преодолевать телесные страдания, не только с помощью мужества, но также и при помощи душевных удовольствий: «В этот счастливый и, вместе с тем, последний день моей жизни я пишу вам следующее. Страдания при мочеиспускании и кровавый понос идут своим чередом, не оставляя своей чрезмерной силы. Но всему этому противоборствует душевная радость при воспоминании бывших у нас рассуждений» [Лукреций, 1947. С. 635]. При этом Эпикур нигде не говорит о том, что душевные страдания могут смягчаться телесными удовольствиями или мыслями о телесном здоровье. Из этого следует, что душевное здоровье для Эпикура имеет гораздо более высокую ценность, чем здоровье телесное: «Безмятежность духа (атараксия) выступает в качестве важнейшей категории эпикурейской этики» [Шакир-Заде, 1963. С. 97]. В таком случае телесное здоровье уже не может претендовать на столь же высокую по значимости роль как безмятежность души. И это подтверждает версию о том, что отсутствие страданий тела у Эпикура может выступать в качестве дополнительного блага, которое увеличивает счастье.

Впрочем, эта версия может получить право на существование только при одном условии. Для этого необходимо обосновать положение, согласно которому счастье Эпи-

кур рассматривает не как неизменное состояние, а как состояние, которое может увеличиваться и уменьшаться. Если же не удастся найти подтверждение этому положению, то все разговоры о телесном здоровье как дополнительном условии счастья будут бессмысленны.

В письме к Менекею Эпикур говорит, что целью счастливой жизни является здоровье тела и безмятежность души, а далее продолжает так: «А раз это с нами случилось [нам досталось, произошло], всякая буря души рассеивается, так как живому существу нет надобности идти к чему-то, как к недостающему, и искать чего-то другого, от чего благо души и тела достигнет полноты. Да, мы имеем надобность в удовольствии тогда, когда страдаем от отсутствия удовольствия; а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии» [Лукреций, 1947. С. 595]. Может показаться, что этот фрагмент дает однозначный отрицательный ответ на вопрос о возможности увеличения и уменьшения счастья. Как только человек достигает безмятежности души, то сразу обретает полное счастье, которое уже не может не увеличиться, не уменьшиться. Тем самым счастье предстает в виде неизменного состояния. Но чтобы окончательно убедиться в этом положении, следует рассмотреть удовольствия и страдания на предмет их увеличения и уменьшения. Ведь счастье у Эпикура состоит из удовольствий, а несчастье из страданий.

И вот здесь обнаруживается весьма интересный момент. Рассуждая об удовольствии и страдании, Эпикур говорит: «Лучше вытерпеть эти некоторые страдания, чтобы насладиться большими удовольствиями; полезно воздержаться от этих некоторых удовольствий, чтобы не терпеть более тяжелых страданий» [Там же. С. 645]. В этом и в других похожих фрагментах Эпикур заявляет, что удовольствия, равно как и страдания, могут увеличиваться и уменьшаться. Впрочем, в другом фрагменте Эпикур поясняет, что телесное удовольствие не может увеличиваться, а может только разнообразиться: «Не увеличивается удовольствие в плоти, когда устранено страдание, происходящее от недостатка, но оно только разнообразится» [Там же. С. 605]. Тогда как быть с удовольствиями души, они тоже могут только разнообразиться, или могут также и увеличиваться? В ответе на этот вопрос следует исходить из базовой установки Эпикура,

которая гласит, что «Предел величины удовольствий есть устранение всякого страдания. А где есть удовольствие, там, пока оно есть, нет страдания, или печали, или того и другого вместе» [Там же. С. 601]. Исходя из этого тезиса, следует заключить, что и удовольствия души не могут увеличиваться просто в силу того, что там нечему увеличиваться. Удовольствие души это свобода от страхов, страстей и пустых желаний, это душевное спокойствие, а оно, по Эпикуру, если наступает, то уже не требует никакого увеличения, оно и так уже представляет собой максимально возможное удовольствие души. Но при этом нельзя отказать душевным удовольствиям в разнообразии. В конце концов, никто не отменял простые человеческие радости, такие, например, как радость от общения и веселье. Тем более Эпикур, как известно, сам разделял все удовольствия на две группы: «Безмятежность духа и отсутствие страданий суть удовольствия покоя [пассивные удовольствия], а радость и веселье рассматриваются как удовольствия движения [активные удовольствия]» [Там же. С. 625]. Естественно, напрашивается вывод о том, что менее ценные активные удовольствия Эпикур как раз и рассматривает в качестве разнообразия удовольствий души. Таким образом, можно сказать, что согласно представлениям Эпикура удовольствия тела и души могут увеличиваться и уменьшаться. Надо только иметь в виду, что в отношении удовольствий речь идет об увеличении в смысле разнообразия. Увеличиваться или уменьшаться могут только страдания, а удовольствия – только разнообразиться. Именно об этом говорит Торкват: «Высшее же наслаждение, по Эпикуру, достигается освобождением от всякого страдания, так что после этого наслаждение может разнообразиться и видоизменяться, но не может расти или увеличиваться» [Цицерон, 2000. С. 57].

Итак, мы выяснили, что удовольствия могут разнообразиться. Означает ли это, что и счастье, которое состоит из удовольствий, может увеличиваться или уменьшаться? Чисто логически казалось бы, что да, но не стоит забывать того важнейшего эпикурейского положения, согласно которому предел удовольствий измеряется отсутствием страданий. Это значит, что, достигнув безмятежности, человек обретает совершенное счастье, которое уже не может стать ни больше, ни меньше. Это с одной стороны. А с другой – мы не можем полностью отка-

заться от положения Эпикура, согласно которому удовольствия могут разнообразиться. И это дает нам возможность заключить, что счастье как неизменное состояние, тем не менее, может обогащаться или обрастать другими благами и удовольствиями. Эти разнообразные блага и удовольствия не способны увеличить счастье, равно как и их отсутствие не способно уменьшить счастье. Задача этих благ заключается в одном – разнообразить счастливую жизнь. И вот к таким благам, которые разнообразят счастливую жизнь, можно отнести позитивные удовольствия души (наслаждение познанием, беседой, дружбой) (см.: [Адо, 1999]), позитивные удовольствия тела (безвредные чувственные наслаждения), но главное – телесное здоровье.

Еще одним веским аргументом в пользу того, что телесное здоровье есть дополнительное благо, является представление Эпикура о счастье как о постоянном состоянии. Действительно, зададимся вопросом: счастье, по Эпикуру, – это состояние постоянное или непостоянное? Счастье может быть постоянным состоянием только в одном случае, если оно полностью зависит от самого человека и нисколько не зависит от внешних обстоятельств. Если счастье хоть как-то связано с внешними обстоятельствами, необходимостью (*ἀνάγκη*) или случаем (*τύχη*), то рассчитывать на постоянное счастье бесполезно. Счастье будет полностью зависеть либо от неумолимой необходимости, либо от произвола случая. А это значит, что счастье может быть лишь временным состоянием, а то и вовсе может быть недостижимым.

Чтобы понять логику Эпикура в этом вопросе, следует подробнее рассмотреть его представления о необходимости, случае и о том, что полностью зависит от самого человека. Эпикур признает существование необходимости², однако считает, что она не оказывает существенного влияния на жизнь человека. Он прямо призывает смеяться над судьбой (*εἰμαρμένῃ*), «которую некоторые вводят как владычицу всего» [Лукреций, 1947. С. 599] для того, чтобы оправдать свою безответственность и слабость. Отношение к необходимости Эпикур емко выразил словами: «Необходимость есть бедствие, но нет никакой необходимости жить с необходимостью» [Там же. С. 613]. Что ка-

сается случая, то Эпикур полагает, что «мудрец не признает его ни богом, как думают люди толпы, – потому что богом ничто не делается беспорядочно, – ни причиной всего, хотя и шаткой, – потому что он не думает, что случай дает людям добро или зло для счастливой жизни» [Там же. С. 599].

Основная цель всех высказываний Эпикура о необходимости и случае заключается в том, чтобы показать непричастность этих сил к счастью. Отдать счастье в руки необходимости или случая означало бы для Эпикура лишить человека надежды на самостоятельное обретение счастья. Поэтому Эпикур стремится оградить счастье от всего ненадежного, шаткого, зыбкого, брэнного, от всего, что не во власти человека. Более того, Эпикур настолько презрительного мнения о случае, что считает те блага и то счастье, что он посылает, большим злом по сравнению с теми страданиями и неудачами, которые являются следствием свободного выбора разумного человека: «Поэтому мудрец полагает, что лучше с разумом быть несчастным, чем без разума быть счастливым» [Там же].

Ход мысли Эпикура, по сути, ничем не отличается от позиции стоиков. Для Эпикура, как и для стоиков, одна из главных задач – оградить счастье от всего внешнего. В этом контексте совершенно понятно, почему Эпикур призывает презирать телесные страдания. Он прекрасно понимает, что телесные недуги и заболевания, вызывающие страдания, далеко не всегда зависят от самого человека. Зачастую необходимость или случай властны над ними. А посему жесткое увязывание счастья с телесным здоровьем означало бы отказ от возможности постоянного счастья, отказ от того истинного счастья, которое никак не зависит от столь нелюбимого Эпикуром влияния необходимости или случая. И именно поэтому Эпикур не устает повторять, что все, что необходимо для счастливой жизни, природа предусмотрительно отдала на откуп самому человеку: «Благодарение блаженной природе за то, что она сделала необходимое легкодобываемым, а труднодобываемое – не-необходимым»³ [Там же. С. 645].

Эпикуру принадлежит еще одно очень ценное изречение. Звучит оно следующим образом: «Не будем винить плоть, считая ее

² Под «необходимостью» Эпикур понимает законы природы.

³ Эпикур прямо увязывает счастье с удовлетворением естественных и необходимых желаний, которые всецело находятся во власти самого человека.

виновницей великих зол, и не будем наши неприятности сваливать на обстоятельства» [Там же]. Очевидно, что в первой части изречения речь идет о том, что не стоит считать телесные страдания причиной несчастья. Во второй части фрагмента Эпикур говорит о том, что не стоит считать несчастье результатом воздействия внешних обстоятельств. Под обстоятельствами Эпикур, судя по всему, имеет в виду необходимость или случай. Если связать первую часть фрагмента со второй, то вывод напрашивается такой: не стоит считать внешние обстоятельства, в данном случае телесные страдания, причиной великих зол или несчастья. Тем самым Эпикур говорит о том, что несчастье, а следовательно, и счастье, зависят от самого человека, от его образа мыслей и поступков (см.: [История..., 2003. С. 402]). Никакие внешние обстоятельства, в том числе телесные страдания, не способны сбить мудреца с пути блаженной жизни.

Подведем итог. С одной стороны, можно сделать вывод о том, что телесное здоровье относится Эпикуром к той разновидности удовольствий, которые он называет удовольствиями покоя и от которых зависит достижение счастья. Но с другой стороны, проведенное исследование показало, что телесное здоровье не равноценно безмятежности души. По существу, счастье зависит только от душевного спокойствия. Это означает, что телесное здоровье не может быть отнесено в полной мере ни к удовольствиям покоя, ни к удовольствиям движения. К первой группе удовольствий оно не относится потому, что не оказывает такого же влияния на счастливую жизнь, как безмятежность души, а ко второй группе удовольствий оно не относится в силу своей природы. В результате можно заключить, что телесное здоровье у Эпикура обладает

двойственным характером. Формально оно относится к негативным удовольствиям, но при этом выступает в качестве дополнительного блага, к которому также относятся и позитивные удовольствия.

Выступая в качестве дополнительного блага, телесное здоровье разнообразит счастливую жизнь. Это значит, что отсутствие телесного здоровья не умаляет счастья человека, обладающего безмятежностью души. В то же время обладание телесным здоровьем разнообразит счастье человека, располагающего душевным спокойствием. Да, с формальной точки зрения, этот вывод противоречит словам Эпикура о том, что конечной целью счастливой жизни является безмятежность души и отсутствие страданий тела. Но зато этот вывод дает разумное объяснение позиции Эпикура о безразличном отношении к телесным страданиям.

Список литературы

- Адо П.* Что такое античная философия? М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999.
- Гассенди П.* Соч.: В 2 т. М., 1966. Т. 1.
- История этических учений / Под ред. А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003.
- Лукреций.* О природе вещей. М., 1947. Т. 2: Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла.
- Цицерон.* О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков. М., 2000.
- Цицерон.* Тускуланские беседы // Цицерон. Избр. соч. М., 1975.
- Шакир-Заде А. С.* Эпикур. М., 1963.
- Шахнович М. М.* Сад Эпикура: философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002.

Материал поступил в редколлегию 12.12.2011

V. V. Brovkin

EPICURUS ON THE HEALTH OF THE BODY

The paper presents the theoretical aspects of Epicurus' teaching of the health of the body. The author shows that, according to Epicurus, the health of the body has a dual nature: formally, the health of the body belongs to the pleasures of the rest, but it can be also assessed as an additional good adding diversity to a happy life. This connects the health of the body with the pleasures of movement, the main purpose of which is the diversity of a happy life.

Keywords: Epicurus, Cicero, health of the body, serenity of the soul, pleasure, pain, happiness, the good.